

18+

ЕКАТЕРИНА КУЛИКОВА

Подаренная жизнь

Екатерина Куликова

Подаренная жизнь

«Издательские решения»

Куликова Е.

Подаренная жизнь / Е. Куликова — «Издательские решения»,

Ей оставили чужое тело, чужую судьбу и письмо с отчаянной мольбой: «Не позволяй им сломать тебя». Юную принцессу Айленору принесли в жертву, выдав замуж за врага. Но настоящая Айленора исчезла, оставив после себя лишь оболочку и отчаянную просьбу к той, кто займёт её место. Теперь ей предстоит стать той, кем её хотят видеть. Но внутри просыпается упрямая сила, готовая сжечь этот сценарий дотла. Она перевернёт игру, заставив весь мир и холодного мужа, считаться с собой.

© Куликова Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Подаренная жизнь

Екатерина Куликова

© Екатерина Куликова, 2026

ISBN 978-5-0071-2250-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Аргаль был истощён до последней жилки. Когда-то это был цветущий континент: весной воздух пах влажной травой, по дорогам тянулись караваны с зерном, тканями и солью. Долгие войны выжгли его пожаром, прошедшим по полям, лесам и сердцам людей. Деревни пустели, города стояли с потемневшими стенами, а на дорогах чаще встречали вдову в траурном платке, чем смеющегося ребёнка. Женщины всё чаще отказывались рожать для мира, который слишком легко отправлял их на смерть. И чем тише становились дома, тем яснее люди понимали: Аргаль умирает не только от меча — он умирает от утраты надежды.

Всё началось сотни лет назад, так что событие уже обросло домыслами и стало легендой. Из Ларентиса была похищена принцесса. Одни говорили, что её увели силой, другие — что она сама выбрала любовь врага, но для Ларентиса это стало оскорблением, которое не могли простить. Сначала требовали вернуть её, затем клялись мстить, и так разразилась война — огонь по сухой траве. Шли годы, менялись короли, умирали поколения, а вражда не утихала. Она стала частью крови, памяти и человеческой жестокости.

Ларентис был королевством садов, рек и старых храмов. Здесь любили мягкий свет, вышивку, музыку и обряды; дворцы напоминали дома для жизни, а не крепости. Из-за этого войны ранили Ларентис особенно тяжело: он терял не только людей, но и свою красоту.

Эсмирия не любила войну не меньше. Это была страна учёных, магов и хранителей древних знаний, где когда-то исследовали Эфирные Нити. Здесь ценили разум и порядок; и хоть мечи были чужды культуре, им пришлось взяться за оружие. После сражений остались разрушенные башни, сгоревшие библиотеки и молчаливые залы, где прежде спорили о природе чудес.

Время оказалось сильнее ненависти. Когда умер старый король Ларентиса, новый правитель понял: продолжать войну — значит уничтожить свою страну. Он сделал неожиданный шаг к примирению и предложил брачный союз между наследниками.

Договор подписывали в большом зале с тяжёлыми шторами и длинным столом, усыпанным перьями и свитками. Король Ларентиса сидел прямо, с усталым, но твёрдым лицом человека, который слишком долго хоронил своих людей. Напротив — король Эсмирии: высокий, сухой, строгий; в его взгляде не было тепла, но было обещание порядка. Они говорили мало; слишком многое уже сказано было сотнями лет войны.

— Это не союз по любви, — произнёс король Ларентиса, когда священник вынес последнюю страницу договора. — И никто из нас не станет делать вид, что он построен на уважении.

— Мы короли, нам чужда любовь, — ответил король Эсмирии. — Долг перед народом превышает чувств наших детей.

Они оба понимали: мир держится не на доверии, а на усталости. Поэтому брачный договор подписали быстро, будто боялись, что сомнение разрушит всё прежде, чем печати высохнут.

Принц Кайларн Эсмирийский и принцесса Айленора Ларентисская должны были стать живой печатью этого мира.

Айленора явилась в своём лучшем платье: плотный лиф с длинными рукавами, высокая талия, тяжёлая юбка до пола, мягкая вышивка по подолу и узкие жемчужные манжеты. Всё в ней напоминало старый стиль, где красота считалась достоинством, а не роскошью. Волосы были убраны под лёгкую вуаль; на шее лежала тонкая цепочка с знаком храма — память о том, что она когда-то была юной жрицей при святилище.

Кайларн был старше, ему было двадцать семь, и это чувствовалось: в манерах, в одежде — тёмный костюм с высоким воротником, застёгнутый жилет, длинный сюртук, чёрные перчатки

и тяжёлые сапоги — всё строгое, сдержанное. Его лицо было красиво и холодно, а в этом холоде — неумолимость.

После официальных слов их оставили наедине в небольшой комнате, где у стены горел камин, а на столике стоял хрустальный кувшин с водой. Тишина между ними была тяжёлой.

Кайларн задержал взгляд на ней с неприязнью. В нём не было насмешки — только усталость мужчины, много видевшего и ещё больше потерявшего.

— Вы слишком юны для той роли, — произнёс он ровно. — Но это не меняет дела. От вас будут ждать того же, что ждут от взрослой женщины: выдержки, покорности и умения не ломаться под тем, что придётся вынести.

Айленора сжала пальцы и промолчала.

Он говорил спокойно о том, что уже решено.

— Вашу старшую сестру было бы разумнее представить в моём доме. На неё можно было бы положиться вернее. Она старше, опытнее, не так наивна. Такие союзы требуют не юности, а крепости. Но видно, её пожалели.

Слова ударили её сильнее, чем она ожидала. Кайларн не остановился.

— И ещё. Жена должна уметь терпеть. У мужчины бывают слабости и привычки. Если вы не сможете дать мне всего, чего я от вас жду, вам придётся закрывать глаза на другую женщину. Любовница не разрушает такой брак. Разрушают его глупые капризы.

Щёки Айленоры побледнели. Губы дрогнули; она на миг опустила взгляд, затем выпрямилась.

— Я... понимаю, ваше высочество, — прошептала она, голос дрогнул.

Кайларн заметил это, но не смягчился.

— Нет, — сказал он тихо. — Пока что вы не понимаете. Но поймёте скоро. Вы ещё ребёнок, принцесса, а с вас будут требовать как с женщины. Это жестоко, но такова цена мира.

В её глазах не осталось прежней беззащитности — только сдержанная боль.

— Если таков мой долг, я вынесу его, — сказала она наконец.

— Вынесете, — ответил он. — Или сломаетесь. И от этого зависит участь двух стран.

Он говорил без грубости, но каждое его слово ложилось камнем на плечи юной девушки. У него не было желания унижить — лишь мрачная уверенность человека, привыкшего смотреть на жизнь без иллюзий.

Когда её увели в покои, Айленора перестала быть принцессой для людей и стала девочкой, запертой в чужом слишком тихом пространстве. Дверь закрылась, и с ней будто упала последняя опора.

Комната была прекрасна, как и полагалось: резная кровать с высокими столбиками, тяжёлые портьеры, мягкий ковёр, столик у окна и зеркало в позолоченной раме. Но красота не утешала, она лишь подчёркивала одиночество. Айленора опустилась на край кровати и долго сидела. Наконец из глаз покатались слёзы — тихие, злые, почти беззвучные.

Она знала, что должна быть сильной. Знала, что на ней держится мир. Но внутри жила шестнадцатилетняя девушка, которой было страшно до дрожи.

— Завтра утром, — сказала она служанке, когда та принесла ужин. — Отдай это письмо мне. И никому больше не показывай.

Служанка замерла. Это была женщина с тихими глазами. Она знала Айленору с детства; в её поклоне была не только почтительность, но и печаль — понимание, что госпожа просит не о письме, а о спасении.

— Да, ваше высочество, — тихо сказала она.

Когда комната погрузилась в полумрак, Айленора сняла с шеи храмовый знак и сжала его в ладони. Она была одной из последних жриц, ещё не до конца оставивших старую веру. Её учили, что боги слышат искренние слова. Теперь алтари пустовали, молитвы звучали тише. Всё же она встала на колени.

Перед маленьким алтарём, где горела тонкая свеча, Айленора прошептала:

— Если вы ещё слышите... освободите меня от этой участи. Я не хочу быть жертвой ради чужого мира. Не хочу улыбаться тому, кто смотрит на меня как на вынужденное зло. Если и должно быть наказание, пусть оно достанется моему врагу. Пошлите ему женщину, которая будет ему под стать. Пусть она станет тем, с чем он не сможет совладать.

Это была и молитва, и отчаяние, и каприз обречённой души. Служанка стояла у двери молча, не осуждала; только поднесла руку к губам, чтобы не спугнуть магию.

Айленора осталась на коленях, пока не почувствовала, как силы покидают её. В комнате стал меняться воздух. Свеча дрогнула, тень на стене вытянулась, словно кто-то невидимый прошёл рядом. Служанка замерла, когда по полу скользнул странный холодный свет — не лунный и не огненный, а иного рода.

Айленора подняла голову, но ответить не успела. Глаза её закрылись, тело ослабло, и она тихо упала без сознания.

Последнее, что увидела служанка, — бледный свет у алтаря и лицо госпожи, вдруг ставшее невыносимо спокойным.

Глава 1

Я очнулась от боли.

Не от той, что рвёт тело и заставляет кричать, а от тупой, вязкой, будто кто-то долго и старательно стучал маленьким молоточком прямо у меня в голове.

Первое, что я почувствовала, — тяжесть.

Второе — странную, непривычную лёгкость в теле, будто оно мне больше не принадлежало.

Я попыталась вдохнуть глубже и закашлялась. Воздух был сухим, прохладным, с запахом воска, ткани и чего-то совсем чужого. Я медленно открыла глаза.

Потолок надо мной был высоким, с резными балками. Над кроватью нависал тяжёлый тёмный полог, а сама кровать выглядела так роскошно, что я бы даже садиться на неё побоялась. Но, кажется, сейчас у меня были проблемы посерьёзнее, чем мебель.

Я осторожно повернула голову и тут же пожалела. Голова болела так, будто внутри маршировали крошечные солдаты с молоточками. Очень организованно, между прочим.

Это была не больница. Не палата. И уж точно не то место, где человек приходит в себя после того, как его сбила машина.

Я помнила всё слишком ясно. Ребёнок выскочил на дорогу, я рванулась за ним, визг тормозов, вспышка боли — и темнота. Видимо, темнота решила, что я ей понравилась, и отправила в новый мир. Очень оригинально. Я бы даже похвалила, если бы не голова.

Я опустила взгляд на свои руки и замерла.

Они были не мои.

Тонкие, изящные, с аккуратными пальцами и слишком хрупкими запястьями. Я пошевелила ими, надеясь, что сейчас всё вернётся на место.

Не вернулось.

Очень жаль.

Я, конечно, человек терпеливый, но не настолько.

— Госпожа, вы очнулись? — рядом прозвучал встревоженный голос.

Я повернула голову.

У кровати стояла пожилая женщина в строгом чепце и тёмном платье служанки. Взгляд у неё был осторожный и внимательный, будто она боялась лишним словом меня сломать.

Госпожа?

Прекрасно. Уже интересно.

Я не успела ничего сказать, как дверь резко распахнулась.

И в комнату вошёл король.

Узнать его было легко: корона, как ни странно, обычно помогает в таких вопросах.

Он не просто вошёл — ворвался, словно сам воздух обязан был расступиться перед ним. Высокий, жёсткий, с лицом человека, который давно привык, что ему не возражают. От него исходила такая властность, что даже мне, едва пришедшей в себя, стало не по себе.

Хотя, если честно, я в тот момент была больше занята попыткой понять, где моя привычная реальность и почему она так неприлично меня бросила.

— Почему она так долго спит, Мерея? Я же просил тебя позаботиться о ней! — резко бросил он.

Служанка изящно поклонилась и повернулась ко мне.

— Госпожа, как вы себя чувствуете? — осторожно спросила она.

— Пока не решила, — хрипло отозвалась я и тут же замерла.

Голос был не мой.

Слишком мягкий.

Слишком нежный.
Слишком женский.

Ну чудесно. Мало мне было всего остального, теперь ещё и голос как у героини чужого романа.

Хотя, судя по обстановке, роман тут и правда был, просто жанр, похоже, крайне сомнительный.

Король посмотрел на меня так, словно перед ним лежал не живой человек, а неудачно оформленный государственный документ.

— Ты понимаешь, что натворила? — начал он жёстко. — Ты понимаешь, что поставлено на карту?

Я молчала.

Потому что, откровенно говоря, не понимала ни слова. Ни его, ни этот мир, ни почему на меня смотрят так, будто я обязана немедленно осознать чужую трагедию и начать за неё отвечать.

— Тебя выбрали не из прихоти, не по случайности и не ради красивой церемонии, — продолжал он. — Ты часть договора. Часть союза, который должен удержать мир между двумя странами. И если ты не справишься, пострадают не только твои покои и твоя судьба. Пострадают тысячи людей.

Вот это уже было совсем нечестно. Я только что очнулась, а мне уже сообщили, что на мне висит мир.

Удобно, ничего не скажешь.

— Ты слишком мала, чтобы осознать весь груз, который на тебя возложили, — сказал он холоднее. — Но ты достаточно важна, чтобы не иметь права на слабость. От тебя ждут не капризов, а выдержки. Не истерик, а покорности. Не отказа, а долга.

Покорности.

Я мысленно поморщилась.

Слово было неприятное. Оно всегда звучит так, будто человек уже согласился быть мебелью.

Король ещё раз посмотрел на меня, и в этом взгляде не было ни капли тепла.

— Ты слишком мала, чтобы не бояться, — сказал он уже тише. — Но слишком важна, чтобы тебе позволили отступить.

После этого он резко развернулся и вышел, не удостоив меня больше ни словом.

В комнате стало невыносимо тихо.

Только теперь я заметила, что служанка всё это время держала в руках плотный белый конверт.

— Госпожа... это для вас, — сказала она и осторожно протянула письмо.

Пальцы у меня дрогнули.

На конверте было написано имя.

Не моё.

Я развернула письмо и долго смотрела на первые строки, прежде чем смогла заставить себя читать дальше.

Я не знаю, кто прочтёт эти строки и зачем судьба распорядилась так, чтобы мою жизнь продолжила не я, а кто-то другой. Наверное, это и есть самое горькое в моей истории — понимать, что меня не станет, а вместо меня останется лишь оболочка, пустое место, чужое тело для чужой души.

Мне шестнадцать, но я уже чувствую себя так, словно прожила слишком долгую и слишком тяжёлую жизнь. Я устала бояться. Устала молчать. Устала делать вид, что всё в порядке, когда на самом деле мне страшно до слёз.

Меня не любили так, как любят тех, кому рады с рождения. Я всегда была лишней, неудобной, тихой, слишком слабой, слишком молчаливой, слишком мало похожей на ту, кого можно было бы с гордостью назвать дочерью. И вот теперь меня отдали туда, где от меня будут ждать не счастья, а покорности. Не жизни, а долга.

Я знаю, что меня принесли в жертву ради мира. Это звучит красиво только в чужих речах. На самом деле это значит, что у шестнадцатилетней девочки забрали право на выбор, на любовь, на страх, на надежду.

Жених меня презирает. Он даже не счёл нужным скрыть это и сразу дал понять, что у него есть любовница. Значит, надежды действительно нет.

Меня ломали с детства и, похоже, наконец добились. Разбили на мелкие осколки, которые уже не собрать.

Если после меня здесь действительно окажется кто-то другой, я прошу только об одном: не позволяй им сломать тебя. Не верь тем, кто будет говорить о долге, если за этим долгом нет ни тепла, ни жалости, ни права выбирать. И если тебе будет страшно, иди к Мерее. Только ей я доверяю по-настоящему. Только она не отведёт взгляд и не оставит тебя одну.

Я не знаю, заслужила ли я прощение. Наверное, нет. Но если мне и остаётся надеяться хоть на что-то, то только на одно: что та жизнь, которую получишь ты, будет лучше моей.

Я отправляюсь на перерождение с этой надеждой.

Я медленно опустила письмо на колени.

Глаза жгло. В груди стало тесно, потому что там вдруг не осталось места для воздуха. Это было не красивое прощание и не торжественная исповедь. Это был голос шестнадцатилетней девочки, которой уже заранее указали, где в её жизни будет конец.

Я не знала её. Не знала этот мир. Не знала, почему именно я оказалась здесь вместо неё. Но её страх, одиночество и упрямая честность были настолько живыми, что внутри у меня всё сжалось.

И, как ни странно, вместе с жалостью пришло раздражение.

Ну правда. Шестнадцать лет, а уже жертва мира. Даже толком пожить не успела, а её уже списали в большую политическую бумажку. Несправедливо. Даже по меркам плохих сюжетов.

— Госпожа... — Мерея шагнула ближе. — Позвольте, я помогу вам.

Я подняла на неё взгляд.

Её лицо было спокойным, но в глазах стояла тихая печаль, и почему-то именно это заставило меня поверить: она знает куда больше, чем говорит.

— Что теперь? — спросила я хрипло.

— Теперь вы будете учиться, — ответила она мягко. — Как здесь ходят, говорят, сидят за столом, кого нужно приветствовать, а кого лучше не замечать. Как не выдать себя, когда на вас смотрят. Как не показать слабость тем, кто только и ждёт вашей ошибки.

О, прекрасно. Значит, помимо всего прочего, мне ещё и придётся изображать местную принцессу, пока внутри я всё ещё в полном шоке и с очень плохим настроением.

Но, с другой стороны, звучало даже занятно.

Я осторожно села, ощущая, как чужое тело движется неохотно, будто тоже решает, стоит ли меня принимать. Мерея помогла мне подняться, подала воду, показала, где стоят свечи, как открыть окно, как позвать слугу. Её движения были спокойными и уверенными, и именно это удерживало меня от паники.

Я смотрела на покои, на плотные ткани, на высокий потолок, на лицо Мереи и всё яснее понимала: это не сон. Не бред. Не краткий миг перед тем, как снова открыть глаза в больнице.

Это была моя новая жизнь.

Чужая.

Непонятная.

Пугающая.

Но, может быть, не окончательно чужая.

Потому что вместе со страхом внутри меня медленно росло что-то ещё — упрямое, горячее, почти злое.

Если меня принесли в жертву ради мира, значит, этот мир ещё пожалеет о своём выборе.

Я не стану покорной куклой в чужой игре.

Не стану тихой невестой, удобной дочерью или послушной женой.

Не стану жертвой обстоятельств.

Я оберну их в свою сторону.

И тогда, в этой тишине, у меня в голове вдруг будто сам собой раздался смех.

Низкий.

Злой.

Почти театральный.

Так смеются злодеи в старых фильмах, когда уверены, что мир уже сделал первый глупый шаг прямо в их ловушку.

Только на этот раз смеяться хотелось мне.

Я медленно сжала пальцы и позволила этому смеху подняться внутри — тихому, ядовитому, опасно довольному.

Пусть сначала все думают, что я сломалась.

Потом они узнают, насколько опасно недооценивать девушку, которой больше нечего терять.

Глава 2

Остаток дня Мерея пыталась вбить мне в голову основы придворной жизни с упорством человека, который либо святой, либо очень хорошо умеет терпеть чужую бестолковость.

Судя по её лицу, она была и тем и другим.

— Госпожа, спина ровнее, — в который раз мягко напомнила она.

— Она и так ровная, — пробормотала я, стараясь удержать выражение лица хотя бы отдалённо благородным.

— Если вы будете так думать, вас скоро перестанут уважать даже стены.

— Это уже обидно.

Мерея только вздохнула. Не раздражённо — с каким-то тёплым, выстраданным смирением. Кажется, я уже успела её довести, но она по-прежнему держалась так, будто перед ней не бедствие в человеческом обличье, а очень сложная ученица, у которой всё ещё есть шанс.

Я честно старалась.

Честно сидела прямо.

Честно кивала в нужных местах.

Честно запоминала, какой вилкой тут едят рыбу, как держать чашку, кого приветствовать первой, а кого лучше вообще не замечать, даже если тот стоит в трёх шагах и явно ждёт поклонов.

Но мозг упрямо сопротивлялся.

Слишком много всего.

Слишком чужая обстановка.

Слишком чужое тело.

Слишком много правил для девочки, которая ещё утром, кажется, жила совсем в другой реальности.

Я третий раз повторила про себя порядок приветствия, но в голове всё равно всплыло: «а может, просто улыбнуться и сказать, что я ничего не знаю, потому что меня только вчера сюда занесло?»

Идея была искренне хороша.

Мерея бы, наверное, упала в обморок.

Поэтому я, как приличная попаданка, снова промолчала.

— Госпожа, вы меня слушаете? — спросила Мерея.

— Конечно, слушаю, — с достоинством ответила я.

— Тогда повторите, кого вы приветствуете первым на утреннем приёме.

Я открыла рот.

Закрыла.

Снова открыла.

Мерея прикрыла глаза.

— Ваше терпение — легенда, — сообщила я ей с искренним уважением.

— А ваше — испытание, — так же искренне ответила она.

Вот это уже было почти родством.

К вечеру у меня начало ныть всё, что только могло: спина, шея, голова и, кажется, даже душа. Я уже не просто училась — я выживала в учебном процессе.

— Мерея, хватит, прошу, сжался, — простонала я, когда она в очередной раз велела мне присесть в «должной манере».

— Ещё раз, госпожа.

— У меня сейчас будет очень недолжная манера, если вы не прекратите.

Она едва заметно улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Но мне и этого хватило, чтобы почувствовать себя почти победительницей.

— Вы быстро устаёте, — сказала Мерея уже мягче.

— Я не устаю. Я страдаю с достоинством.

— Безусловно, — согласилась она.

Пока она показывала, как правильно входить в дверь, как склонять голову, как держать руки во время разговора и что делать, если на тебя смотрят слишком внимательно, я всё яснее понимала одну простую вещь: девочку, чью жизнь я заняла, здесь лепили.

Не учили.

Не воспитывали.

Именно лепили — терпеливо, методично, без права на ошибку.

И от этой мысли внутри у меня стало как-то холоднее.

Днём, пока Мерея объясняла очередную придворную тонкость, я поймала себя на странном ощущении. Меня будто что-то отвлекало. Не шум, не усталость — что-то другое, почти едва заметное. Как тонкая нитка, тянущая внимание в сторону.

Я замерла посреди комнаты.

Мерея тут же насторожилась.

— Госпожа?

Я огляделась, нахмурилась и только тогда заметила небольшой сундучок у стены.

Скромный, тёмный, почти незаметный, но почему-то именно он упорно цеплял взгляд.

— Что там? — спросила я, указав на него пальцем.

— Там... — Мерея на миг замялась. — Несколько зелий. И порошок истины.

Я посмотрела на неё так, словно она только что сказала нечто крайне вдохновляющее.

— Порошок истины, говоришь...

Внутри я уже потирали руки. Вежливо и с предвкушением.

Мерея это заметила.

Конечно, заметила. Скрывать выражение лица я пока умела не очень.

— Госпожа, я не думаю, что вам оттуда что-то пригодится, — осторожно сказала она.

— Это мы ещё посмотрим.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно, — кивнула я с таким видом, будто вообще не собираюсь делать ничего подозрительного.

Мерея посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом женщины, которая уже очень хорошо понимает, что её подопечная не просто упряма, а опасно любопытна.

— Даже не думайте, — сказала она.

— А я и не думаю, — ответила я, и это, по сути, было почти правдой.

Почти.

Оставшийся вечер я провела под её неустанным надзором, а потом, наконец, меня отпустили спать.

Я рухнула в постель с таким облегчением, будто прожила не один день, а целую эпоху.

Вот только сон не шёл.

Я лежала в темноте, глядя в балдахин, и никак не могла выбросить из головы тот самый сундучок.

И саму Мерею.
И эти уроки.
И ту девочку, чьё тело теперь было моим.
Интуиция настойчиво шептала, что я хочу посмотреть на порошок истины.
Более того — попробовать его.
На себе.
Разумеется, делать этого было не нужно.
Разумеется, я всё равно сделала.
Порошок оказался почти безвкусным.
— Хм, ничего, — пробормотала я себе под нос, вытирая пальцы.
Только ничего — это было ровно до того, как всё вокруг потухло и я провалилась в сон.
Сон пришёл внезапно и накрыл меня целиком.
И впервые это был не пустой, рваный провал в темноту, а чужая, живая, пугающе ясная жизнь.
Я проживала её как свою.
Видела всё её глазами.
Чувствовала всё её кожей.
Слышала всё её сердцем.
Страх.
Одиночество.
Бесконечное напряжение.
Чужие взгляды, в которых не было тепла.
Слова, которые ранили сильнее, чем удары.
И потом — он.
Принц.
Разговор с ним стал последним эпизодом сна, и от этого эпизода у меня внутри всё сжалось.
Он говорил так, словно уже заранее знал, что может позволить себе всё.
Даже презрение.
Даже холод.
Даже равнодушие, которое прикрывалось вежливостью.
И девочка слушала.
Молчала.
Старалась быть удобной.
Старалась не мешать.
Старалась хоть как-то заслужить то, что ей никогда не собирались давать.
Когда я проснулась, по щекам текли слёзы.
Я даже не сразу поняла, что плачу. Просто лежала в темноте, глядя в балдахин, и чувствовала, как внутри всё переворачивается. Хотелось порвать всех, кто обижал девочку, кто «учил» её побоями, кто ломал её день за днём, пока от неё почти ничего не осталось.
Это был не просто сон.
Это были её воспоминания.
И они били так больно, словно это меня загоняли в угол, меня заставляли молчать и терпеть.
Я села в постели, вытерла лицо ладонью и зло втянула воздух. Слёзы не кончались — они ещё какое-то время катились по щекам, упрямые и горячие, как будто тело наконец-то позволило себе то, что девочке запрещали слишком долго: почувствовать, как ей было больно на самом деле.
Я стиснула зубы.

Вот значит как.

Её ломали не за один день и не одним словом. Ломали аккуратно, терпеливо, будто вытаскивали из живого человека покорную куклу. А потом добил тот, кто должен был стать защитой.

От этой мысли у меня так свело плечи, что я сама не заметила, как скомкала край одеяла в руках.

— Ну что, принц, — прошептала я в темноту, и голос у меня вышел тихий, почти ласковый, что только усилило злость. — Хочешь в жёны уверенную и сильную женщину? Без проблем. Только потом сам не пожалей.

Теперь всё вчерашнее стало на свои места.

Не просто странности. Не просто капризы или дурное настроение. Вчерашняя девочка, чьё тело теперь было моим, жила не в мире, а в клетке. И эту клетку методично сужали, пока у неё не осталось даже привычки сопротивляться.

Я провела ладонью по лицу и медленно выдохнула. В груди ещё стояла тяжесть, но теперь к ней примешивалось другое чувство — злое, живое, очень цепкое.

Привычки можно менять.

Нет, не можно.

Нужно.

Потому что если я оставлю всё как есть, очень скоро сама стану такой же удобной тенью: тихой, покладистой, незаметной. А мне, честно говоря, категорически не нравилась мысль превращаться в чью-то удобную вещь.

Я снова легла, уставившись в темноту. Сон уже не казался мягким и пустым. Он оставил после себя слишком много: чужую боль, чужой страх, чужую жизнь — и очень неприятное знание, что теперь я знаю больше, чем должны знать о принцессе, от которой ждут только покорности.

А значит, от привычной тихой девочки не останется ничего.

И, пожалуй, это было к лучшему.

Глава 3

— Госпожа, сегодня начинаются обязательные выходы. До вашей свадьбы осталось всего пять дней. На шестой вы станете женой его высочества.

Мерея сегодня была особенно ласковой.

Даже слишком.

От её мягкого голоса у меня внутри только сильнее заскребло раздражение, словно кто-то методично царапал ногтем по стеклу.

Я подняла на неё красные, уставшие глаза и кивнула.

— Хорошо. Я поняла.

С тех пор как я появилась в этом мире, прошёл уже месяц. Целый месяц чужой жизни, чужих правил, чужих лиц и чужой роскоши, за которой так удобно прятать гниль.

И если сперва я ещё надеялась, что привыкну, что втянусь, что злость хоть немного при-
тупится, то теперь знала точно: нет. Она не уходит. Она только оседает глубже, тяжелее, злее.

Потому что невозможно спокойно смотреть на это лицемерие.

За это время я увидела, как здесь дрессируют даже детей. Юные девушки боятся поднять глаза, а юноши боятся их опустить.

Я всё ещё помнила сон и те чувства, которые испытала тогда.

— Что у нас сегодня по расписанию, Мерея? — спросила я, уже заранее чувствуя, как внутри поднимается привычная, вязкая злость.

— Сегодня прекрасная погода, поэтому королева Гартения Эсмирийская решила устроить уличные развлечения и трапезу в саду.

Я медленно выдохнула через нос.

Разумеется.

Пока на улицах люди едят то, что удалось достать, здесь будут пировать под музыку, под солнечным светом и под аккомпанемент собственных добродетельных улыбок. Великолепно. Прямо праздник благородства.

— А можно ли мне попросить скромное платье для свадьбы? — спросила я вдруг.

Мысль пришла внезапно и сама собой поселилась в голове.

— Давай объясним это так: я, как гарант мира, хочу помочь людям теми крохами денег, которые ушли бы на это платье... или как это там надо произнести, чтобы звучало достаточно витиевато и не слишком похоже на правду.

Мерея посмотрела на меня тем самым взглядом, в котором уже без слов читалось: «Вы опять собираетесь сделать что-то опасное».

— Я постараюсь это устроить, ваше высочество.

Пять дней.

Всего пять дней мне нужно продержаться, не сорваться, не вцепиться в чью-нибудь надутую шею и не сказать вслух всё, что я думаю об этом блестящем зверинце.

Пять дней — и потом можно будет перестать изображать покорную невесту.

Отсчёт начался.

День первый

Первый день придворных выходов оказался именно таким, каким и должен быть день в месте, где все улыбаются слишком широко и говорят слишком вежливо, чтобы случайно не показать клыки.

Я сидела среди дам, слушала их разговоры и с каждой минутой убеждалась, что во всех мирах женщины остаются женщинами — просто декорации меняются. В моём мире некоторые

охотятся за богатыми папиками для себя, а здесь, похоже, поставили всё на дочерей. Те же разговоры, только больше кружев, больше уловок и куда сильнее запах духов.

Я слушала, запоминала, делала вид, что скучаю. На самом деле мне уже было интересно. Потому что, когда люди думают, что ты ни черта не понимаешь, они начинают болтать особенно охотно.

Прекрасно. Материал для будущих манёвров уже собирался сам собой.

Мужчины, как водится, решили не отставать и принялись с наслаждением обсуждать свои подвиги — на войне, в политике, в постели, а иногда, судя по интонации, во всех трёх сферах сразу. Каждый из них говорил так, будто не просто участвовал в событиях, а лично писал историю этого королевства.

Я почти видела, как у них внутри раздувается чувство собственной важности.

А меня по-прежнему не замечали.

Что ж, пока не замечают — значит, недооценивают. А как показывает практика, иногда это очень полезно.

День второй

На второй день нам устроили театральное представление.

Благоволила труппе дочь герцога. Разумеется, все обязаны были смотреть с восхищением. И я тоже должна была сидеть с лицом, на котором написано: «Ах, какая утончённость, какие глубокие чувства, какая тонкая игра».

На деле я уже через десять минут поняла, что если ещё хоть раз услышу очередную патетическую реплику о вечной любви, судьбе и звёздах, то начну громко хохотать или, что вероятнее, засыплю сцену сарказмом прямо с места.

Декорации были богатыми, костюмы — ослепительными, актёры — старательными. Но всё это было похоже на красиво завернутую пустоту. Много блеска, мало жизни. Много позы, мало прозы.

Впрочем, зал восхищался. А как же иначе, сценарий ведь написала сама дочь герцога.

Аристократия всегда любит смотреть, как кто-то красиво страдает, если это происходит на безопасном расстоянии и под приятную музыку.

Меня всё ещё демонстративно игнорировали.

И я уже начала подозревать, что это не случайность, а своеобразная форма протеста: если не обращать внимания на невесту достаточно долго, вдруг она сама решит отменить свадьбу.

Какая наивная стратегия.

День третий

Королевская охота.

Вот где, по идее, должно было быть хоть немного весело. Я даже обрадовалась, пока не увидела, что именно здесь считают охотой и чем, собственно, предлагают пользоваться.

Лук.

О, вот это уже другое дело.

Я провела ладонью по оружию, взвешивая его в руках.

Тяжёлый, да. Не игрушка. Но терпимо. А главное — знакомо.

Когда-то я действительно мечтала пострелять из такой штуки, очень впечатлилась, когда увидела, как принцесса Девасена стреляла сразу двумя стрелами. Ради этого я и пошла на курсы, и в итоге даже научилась стрелять. Правда не двумя стрелами, а одной и не с такой грацией.

— Ну что, — пробормотала я себе под нос, — хоть одна полезная вещь в этом цирке.

Я осмотрелась.

— О, птичка.

Она летела высоко и, судя по всему, совершенно не подозревала, что сейчас станет частью чужих игр.

Я старалась дышать ровно, натягивая тетиву. Один удар сердца — и стрела сорвалась с пальцев. Почти тут же собаки, сорвавшись по команде псарей, бросились вперед.

Через мгновение мне принесли голубя.

С посланием.

Я моргнула.

О, чудесно.

Вот это я понимаю — настоящая охота. Не зверя отслеживать, а чужие тайны вылавливать прямо из воздуха.

Я наклонилась, будто хвалю собаку, а сама быстро спрятала записку.

Охота сразу стала намного веселее.

На меня уже косились с заметным подозрением. И я даже не удивилась: когда человек внезапно перестаёт быть мебелью и начинает проявлять опасные навыки, это всегда вызывает тревогу.

Уже позже, дома, я развернула бумагу и прочитала:

«Прошу отлить мне ещё немного приворотного зелья. Маркиза Леруа прекрасно подходит для союза. Наши планы в силе. Барон Боруа.»

Я несколько секунд смотрела в текст, потом медленно подняла брови.

Ну не знаю. Хоть бы зашифровались, что ли. Это было настолько откровенно, что я даже не сразу решила: то ли они совсем идиоты, то ли кто-то очень уверен, что здесь никто ничего не заметит.

Впрочем, если люди сами пишут на себя компромат, грех не воспользоваться.

День четвёртый

Вечер поэзии.

Я заранее почувствовала, как внутри что-то нехорошо шевельнулось. У благородных людей, видимо, была особая любовь к публичным унижениям: чем красивее повод, тем приятнее ударить побольнее.

Разумеется, именно меня попросили прочитать стихи собственного сочинения.

Меня.

Ту самую невесту, которую ещё недавно предпочитали не замечать.

Ну-ну.

Я быстро перебрала в голове всё, что хоть как-то касалось дворцов, интриг и лицемерия.

Почти ничего не всплыло. Ну и ладно. Хотя когда-то один из моих коллег сочинил стих по песне КиШа, и один фрагмент я всё-таки помнила.

Я вышла вперед и заговорила:

— Я снова пьяна — не от вина,

А от того, что фальшь за маской скрыта.

В городе пыль, везде тишина,

В зале лесть, на рынке душа разбита.

Я знаю, зачем я здесь, во дворце:

Бал заглушает крики нужды людей.

Лицемерие — ваш венец на лице,

Разруха в окнах, в ней святости нет.

Сквозь золотые маски я гляжу на вас,

Вокруг лишь знать, вся в чести и шелках.

Но за дворцом — кричит нужда сейчас,

И где же честь тогда, а где — лишь пустота.

Бал лицемеров.
В зале повисла тишина.
Такая плотная, что, казалось, в неё можно было воткнуть нож.
Я стояла спокойно, почти равнодушно, но внутри уже ухмылялась. Потому что это было даже лучше, чем смех.
Смех бы они смогли списать на дерзость. А вот это — это был удар.
Хм. Кажется, получилось не совсем так, как рассчитывали устроители вечера.
Но вечер закончился весело.
Злой взгляд моего батюшки.
Задумчивый — королевы, моей будущей свекрови.
И оскорблённые лица присутствующих аристократов, у которых, судя по выражению, только что кто-то очень публично наступил на самовлюблённость.
Наконец-то хоть кто-то заметил, что я умею говорить не только «да», «простите» и «как прикажете».

День пятый

Утро началось с пощёчины.
Звонкой, унижительной, красивой только в одном смысле — в смысле чистого, неприкрытого хамства.
Я даже не успела нормально позавтракать. Отец ворвался с претензиями, как будто за ночь я лично умудрилась сорвать ему дипломатический договор и оскорбить всех его предков до седьмого колена.
Он говорил, я слушала.

Точнее, я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то очень спокойно и очень тщательно складывалось в холодный, твёрдый узел.

Дорогой батюшка.
Этого я вам так не оставляю.
Щека горела, и я намеренно не стала ни замазывать, ни припудривать покраснение.
Пусть видят.
Пусть смотрят.
Пусть делают выводы.
Иногда одна честно полученная пощёчина говорит о семье больше, чем десяток придворных речей.
С таким лицом я вышла на последнее мероприятие перед свадьбой.
Рыцарский турнир.
Рыцарей, если честно, я там не заметила. Зато шутов было достаточно. Причём главный шут был с титулом принца. Но, как ни странно, всё же оказался хорошим бойцом. В этом ему отказывать было нельзя.
Победителем турнира стал, к моему удивлению, не Кайларн.
Кто именно скрывался под шлемом, я так и не узнала. Загадочный красавец, значит. Ну, бывает. Это мне даже понравилось.
Он преподнёс мне цветы и баночку лечебной мази, сказав, что я невероятно красиво слагаю стихи.

Я улыбнулась ему — впервые за долгое время искренне.
Потому что это было приятно. Настояще. Без фальши, без ловушки, без отвратительного придворного привкуса.
А потом я заметила взгляды: у многих в глазах читалось, что меня хотят расчленить.
Что ж.
Значит, я наконец-то начала жить по-настоящему.

День шестой

Свадьба.

Платье мне, к счастью, сделали простым. Без чрезмерной пышности, без удушающего количества кружев, без того отвратительного великолепия, которое так любят те, кто путает роскошь с достоинством.

Ритуал был коротким, но нарочито торжественным — весь этот блестящий фарс, в котором люди делают вид, что связывают судьбы, а на деле лишь закрепляют сделки.

Жрец монотонно бубнил что-то о благословении и милости небес, и его голос сливался в ровный, усыпляющий гул.

Рядом стоял Кайларн — высокий, собранный, слишком спокойный для человека, который в этот момент должен был хотя бы выглядеть заинтересованным.

Я не могла понять, куда он смотрит: на меня или сквозь меня. А потом по его глазам вдруг пробежала тонкая золотая рябь — короткая, яркая, слишком живая, чтобы считать её случайностью.

Я моргнула, и мне уже было не понять, почудилось ли это мне или было правдой...

Ритуал вымотал меня до пустоты.

Но теперь всё закончилось.

Теперь я могла больше не притворяться перед мужем.

И поэтому, едва церемония завершилась, я тут же подняла подбородок и заявила:

— Отведите меня в город. Я хочу посмотреть, ради чего я вообще принесла эту жертву.

Пусть теперь покажут мне не только золото залов и силуэты садов, но и то, что скрывается за красивыми воротами.

Я уже слишком долго смотрела на этот мир через его лощёную ложь.

Пора было увидеть его настоящим.

Глава 4

— Как пожелает её высочество Айленора.

Сарказм в голосе принца было сложно не заметить.

Я по привычке закатила глаза и тут же поймала на себе его прищуренный взгляд.

Ну да, конечно.

Женщины, которые не трепещут от одного его тона, видимо, считались с дефектом.

Придётся его разочаровать.

— Мы можем пойти прямо сейчас? — спросила я, и нетерпение, которое свербело в груди с самого утра, только усилилось.

Что-то тянуло меня за стены дворца. Какая-то странная, упрямая интуиция шептала, что я нужна там именно сейчас, за пределами этой позолоченной клетки, где всё слишком чистое, слишком гладкое и слишком лживое.

Кайларн ничего не ответил. Только на секунду задержал на мне взгляд, в котором было столько холодной иронии, что прежняя принцесса, пожалуй, и правда бы испугалась.

Но я ей не была.

И он, похоже, это уже начал понимать.

— Идёмте, — наконец сказал он.

И повёл.

Не отказал.

Не стал спорить.

Но выражение его лица при этом было таким, будто он уже мысленно проклял и меня, и весь этот день, и, возможно, собственную судьбу заодно.

Я шла рядом, чувствуя на себе его напряжённое молчание, и не удержалась:

— Дражайший мой супруг, прошу вас не строить при мне гримасы. Это невежливо.

Он скосил на меня взгляд, в котором, кажется, зашевелилось что-то очень похожее на усталое недоумение.

— Вы всегда так грубо разговариваете?

— Только с теми, кто слишком красиво умеет хмуриться, — с милой улыбкой сказала я.

На это он предпочёл промолчать. Вот это выдержка.

Я настояла на пешей прогулке. Хотела увидеть всё сама — не через стекло кареты, не издалека, не сквозь прилизанные отчёты придворных, а живьём.

Увидеть боль людей так, как её не показывают при дворе. Не в сухих цифрах и не в вежливых жалобах, а в лицах, в грязи, в треснувших стенах, в пустых мисках и в глазах, где давно погасла надежда.

Чем дальше мы отходили от дворца, тем грязнее становились улицы.

Сначала исчезла позолота фасадов. Потом — аккуратные дорожки. Затем — цветы в горшках у домов.

Потом — запах жареного мяса и пряностей, которыми щедро пропитывался дворцовый район.

Вместо них пришли сырость, плесень, дым, гниющая вода и бедность — настоящая, тяжёлая, некрасивая бедность, от которой не отмахнёшься красивым словом.

Дома здесь стояли тесно, будто цеплялись друг за друга, чтобы не рухнуть.

Кривые стены, потемневшие от времени доски, крыши, залатанные чем попало, окна, затянутые тряпьем вместо стекла. На улицах сидели люди — худые, серые, будто выжженные изнутри.

Женщины с потухшими глазами прижимали к себе детей, старики смотрели в пустоту, а девочки, слишком тонкие для своего возраста, таскали вёдра с водой, которая выглядела мутной даже с расстояния.

И тишина.

Вот что было самым страшным.

Не крики.

Не плач.

Не шум.

А тишина, в которой уже не осталось сил даже на отчаяние.

Я замедлила шаг, потом остановилась вовсе.

— Они все... — я не договорила.

Не потому, что не могла, а потому, что не хотела произносить вслух то, что и так било в грудь со всей силы.

Люди были живыми мертвецами.

Кайларн молчал.

И в этом молчании было что-то тяжёлое, каменное.

Не оправдание.

Не отговорка.

Просто признание того, что он всё это видел и знал.

Видел давно.

От этой мысли у меня внутри что-то больно дёрнулось.

— Почему никто ничего не делает? — спросила я уже тише.

Ответа не последовало.

А потом я сорвалась с места.

Сама не поняла, как это произошло. Просто что-то толкнуло меня вперёд — резко, почти болезненно.

Я услышала чьи-то хриплые рыдания, заметила открытую дверь в полуразвалившуюся хижину и влетела туда прежде, чем кто-то успел меня остановить.

Внутри пахло сыростью, старой соломой и безнадёжностью.

У стены, осев на пол, сидела женщина. Она тряслась так сильно, что даже собственные руки не могла удержать в одном положении. Перед ней лежал парень — маленький, слишком худой, с впалыми щеками и пересохшими губами.

И в руках у женщины был нож.

Я застыла на мгновение, слишком остро понимая, что она собирается сделать.

— Нет! — вырвалось у меня.

В тот же миг женщина вскинула на меня обезумевшие глаза. Она плакала. Не просто плакала — захлёбывалась слезами, будто уже давно не принадлежала самой себе.

— Не подходите... — прошептала она сорванным голосом. — Он всё равно умрёт...

Я не помню, как двинулась.

Только в следующую секунду по инерции взмахнула рукой, и женщину резко откинуло в сторону.

А потом я поняла.

Это была магия.

Я сама это сделала.

Я подняла руку к лицу и уставилась на неё, будто ожидая увидеть там что-то новое.

Но думать об этом было некогда.

Ребёнок лежал без сознания.

Я опустилась рядом с ним на колени, почти не чувствуя пола под собой. Кожа у него была горячей и сухой, губы потрескались, дыхание было едва заметным. Он был настолько истощён, что казался не парнем, а тенью человека.

Женщина, уже не пытаясь подняться, рыдала в углу.

— Прошу вас... — её голос дрожал так сильно, что слова распадались на части. — Не мучайте его. Для нас лучшим спасением будет смерть. У нас нет никого и ничего, что держало бы нас в этой жизни.

От этих слов у меня сдавило горло.

Я поднялась и повернулась к Кайларну.

Он стоял в дверях.

Кулаки сжаты так, что костяшки побелели. Челюсть плотно сжата. Взгляд — тяжёлый, тёмный, почти окаменевший.

Я вдруг поняла, что он зол.

Но сдерживался.

С большим трудом.

И эта злость была направлена не на меня и не на женщину, а на войну, унесшую не только жизни солдат, но и жизни их семей.

Как я это поняла, не знаю — будто просто считала это с него.

И от этого мне стало ещё больнее.

— Я прошу вас, муж мой... — начала я шёпотом, и голос у меня предательски дрогнул.

Я глотнула воздух, но ком в горле не ушёл.

— Можно я возьму их к себе в слуги? Я понимаю, что всем помочь не смогу. Но прошу вас сейчас о такой милости.

Он резко повернулся ко мне.

И на мгновение я увидела в нём не принца и не наследника. Не надменного мужчины с ледяной осанкой, а кого-то растерянного, почти сбитого с толку. Будто он не ожидал, что я попрошу именно этого. Или что попрошу так.

Его рука поднялась неожиданно мягко.

Он вытер мои слёзы.

Этот жест, нежный и даже ласковый, заставил меня посмотреть на принца по-новому.

А потом он снова стал тем самым принцем — собранным, холодным, слишком правильным, слишком чужим.

— Вам положен штат слуг, — сказал он сухо. — Можете набирать его по своему усмотрению.

И вышел.

Быстрым, резким шагом, будто боялся задержаться хотя бы на секунду дольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.